

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Лейтмотивы прозы писателей-декабристов

Исполнитель _____ Олейник Анна Николаевна _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Чевтаев Аркадий Александрович _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____ _____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Кишес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

«10» июня 2025 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Лейтмотивы прозы писателей-декабристов

Исполнитель _____ Олейник Анна Николаевна _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Чевтаев Аркадий Александрович _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

«___» _____ 2025 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	Error! Bookmark not defined.
ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕКАБРИСТОВ И ПОНЯТИЕ ЛЕЙТМОТИВА	7
1.1. Декабристская словесность в контексте русской литературы первой трети XIX века.....	7
1.2. История изучения прозы писателей-декабристов.....	14
1.3. Понятие мотива и лейтмотива в литературоведческой традиции.....	23
1.4. Лейтмотивная структура в повествовательной прозе.....	26
ГЛАВА II. СИСТЕМА ЛЕЙТМОТИВОВ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ДЕКАБРИСТОВ.....	Error! Bookmark not defined.
2.1. Основные лейтмотивы прозы декабристов.....	Error! Bookmark not defined.
2.2. Лейтмотив гражданственности.....	31
2.3. Лейтмотив героя в истории.....	38
2.4. Лейтмотив дороги.....	46
Выводы:	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
БИБЛИОГРАФИЯ.....	59

Введение

Данная работа направлена на исследование лейтмотивов декабристской прозы. В процессе исследования раскрываются такие вопросы как влияние декабристской прозы на литературный процесс и влияние исторического процесса на литературу. Рассмотрены вопросы изучения мотива и лейтмотива, и декабристской прозы в целом.

Влияние декабристов на развитие истории велико. В советской историографии они называются первыми русскими революционерами, так как у них были четкие требования, манифесты, планы восстания и др.. Однако декабристы привнесли большой вклад и в литературу – многие рассуждали о романтизме, месте литературе в жизни человека, обращались к новым темам и вносили в них авторское видение. Нам же важно рассмотреть творчество декабристов не только как литературный феномен, но и связать деятельность декабристов с историей и культурой в целом.

Творчество декабристов можно разделить на прозаическое, поэтическое и мемуарное. Традиционно в литературоведении уделяется большее внимание поэзии, особенно яркому представителю декабристской лирики К. Рылееву. Изучение прозы базируется на фигуре А. Марлинского. В нашей работе будут рассмотрены как широко известные авторы – А. Бестужев-Марлинский, так и малоизученные – Ф. Глинка, Н. Бестужев. Такой выбор писателей обусловлен необходимостью сравнить и выделить основные особенности каждого автора и доказать, что у каждого из них есть свое художественное своеобразие, влияющее на литературу начала XIX века и после, вплоть до конца столетия.

Изучение декабристской прозы необходимо, так как это целый пласт художественных произведений, которые редко рассматриваются исследователями в отличие от декабристской поэзии. Также для анализа литературного процесса важно рассмотреть влияние зарождающегося романтизма на используемые мотивы и их трансформацию в конкретных произведениях.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью лейтмотивного анализа малоисследованных произведений писателей-декабристов, таких как «Зиновий Богдан Хмельницкий» или очеркового творчества А. Бестужева-Марлинского, так как анализ выделенных лейтмотивов может служить основой для исследования других малоизученных произведений последующих поколений писателей.

Научная новизна исследования: изучение творчества писателей-декабристов традиционно сосредоточено на их поэтическом наследии и общественно-политической деятельности, тогда как прозаические произведения остаются в тени научного внимания. В нашей работе представлен системный анализ лейтмотивов в прозе декабристов, что позволяет раскрыть новые аспекты их художественного мира. Научная новизна работы заключается в установлении связи между повторяющимися мотивами, идеологией декабризма и историко-культурным контекстом эпохи.

Объект исследования: прозаические тексты писателей-декабристов, включая художественную прозу и публицистику.

Предмет исследования: система лейтмотивов, отражающих ключевые идеи, основные образы и символы.

Материал исследования: повесть Н. Бестужева «Русский в Париже 1814 года», повесть Ф. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия», очерк А. Бестужева-Марлинского «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы».

Цель исследования: выявление и интерпретация системы лейтмотивов в прозе декабристов как средства художественного воплощения их идеологической программы.

Задачи исследования:

- Уточнить понятие лейтмотива применительно к литературной прозе и декабристскому контексту;

- Провести анализ ключевых текстов, выделив повторяющиеся мотивы (гражданственность, герой в истории, дорога);
- Рассмотреть влияние исторических реалий (война с Наполеоном, восстание 1825 г., ссылка) на формирование мотивной системы, а также литературного процесса;

Методологическая основа исследования: исследование опирается на комплекс методов, адаптированных к специфике материала и поставленных задач. Основу составляет мотивный анализ в интерпретации А.Н. Веселовского и Б. Гаспарова. Для изучения связи мотивов применяется историко-литературный подход, учитывающий биографический и социально-политический контекст. Структурно-семантический метод позволяет раскрыть роль лейтмотивов в организации текста, а сравнительный анализ — сопоставить их функционирование в творчестве разных авторов.

Теоретическая значимость: результаты исследования позволяют уточнить место декабристов в истории русской литературы, преодолевая стереотип о вторичности их прозаических опытов. Теоретическая ценность также заключается в разработке междисциплинарной модели анализа, объединяющей литературоведение, историю и культурологию.

Практическая значимость:

Материалы и выводы исследования могут быть использованы: а) в лекциях по декабристской культуре; б) в музейной и просветительской работе, связанной с сохранением памяти о движении декабристов; в) как основа для дальнейших изысканий в области мотивного анализа прозы романтизма.

Исследование сочетает **методы** мотивного анализа, историко-литературного и идеологического подходов, что позволяет комплексно раскрыть специфику прозы декабристов и её роль в культурном диалоге эпохи.

Структура работы: дипломная работа состоит из введения, основной части, состоящей из двух глав, заключения и списка используемой литературы.

Глава I. Особенности прозаического творчества писателей-декабристов и понятие лейтмотива

Декабристская проза – интересная тема для изучения не только литературы первой половины XIX века, но и исторического процесса с точки зрения восприятия декабристами политической, литературной и общественной жизни в тот период времени.

В этой главе мы рассмотрим основные научные работы и мемуары, на основе которых будет строиться наш анализ декабристской прозы, а также опишем основные понятия, введем некоторые термины, которые будем впоследствии использовать.

1.1. Декабристская словесность в контексте русской литературы первой трети XIX века

Россия в начале XIX века переживает крупные изменения, которые не могут не коснуться литературы. Писатели отходят от классицизма, который для каждого произведения вывел свои рамки и ограничения, начинает, благодаря Пушкину, складываться русский литературный язык. Часто поэтов и писателей-декабристов называют поэтами пушкинского круга, и это вполне обосновано: многие декабристы были хорошо знакомы с А. Пушкиным, вместе учились и общались после выпуска из лицея. А. Пушкин влиял не только на всю литературу XIX века в целом, но на тех, кто был ему близок: складывается и осмысливается романтизм, обдумываются задачи литературы, развивается новый литературный язык.

Проза декабристов исторически направлена. В период формирования и развития романтизма в литературу приходят более патриотичные настроения. Это обусловлено и победой над Наполеоном, и характером развития литературы в тот период. В нашей работе мы много внимания уделим так называемой исторической повести, которую очень легко проследить в творчестве декабристов.

В 1816 году в литературных кругах вводится понятие народности. В первую очередь народность понималась как национальная самобытность, которая позже развивалась в контексте политических изменений в стране. С течением времени, тема народности будет подробно раскрыта в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир». Несмотря на то, что роман написан во второй половине XIX века, событийно он описывает момент зарождающейся народности и формирование самосознания участников наполеоновской войны. Толстой очень тонко прочувствовал прецедент народности, который формировался не только в литературных кругах.

Исторически Россия взошла на пьедестал победителя, разгромив Наполеона. В литературе весь XIX век озарен теми же лучами величия. Мы четко прослеживаем рождение романтизма и полемику вокруг этого направления. Многие декабристы писали о литературе, у нас имеется множество критических работ Рылеева, Бестужева-Марлинского и Кюхельбекера.

К. Рылеев выступал против подражания зарубежной литературе, и все же осторожно заявлял о том, что понятие романтизма все еще остается неясным. А. Бестужев-Марлинский, напротив, категорично отзывался о необходимости введения гражданственности в литературу и говорил, что, несмотря на отказ от подражания, литературы у России по-прежнему нет.

О поэзии, жанрах и направлениях спорили жарко и долго. Не только декабристы, но и многие другие критики и писатели, и это неудивительно: отход от жестко загоняющего в рамки классицизма породил полемику вокруг формирующегося романтизма. Стоит отметить, что и интерес к истории был не только у декабристов. Это веяние эпохи, обусловленное многими факторами, которые мы обозначили выше. И все же, мы считаем, что жанр исторической повести довольно четко прослеживается в прозе декабристов. Во-первых, мы можем выделить группу писателей и объединить их в одни критерии изучения, как мы не можем сделать, например, с А. Пушкиным или М. Лермонтовым. Во-вторых, декабристы связаны с бурной политической

деятельностью, поэтому интерес к истории у них также обоснован гражданской позицией и осознанием себя общественными и политическими деятелями.

Чтобы разобраться с феноменом исторической повести в России, обратимся к автору вступительной статьи сборника «Русская историческая повесть первой половины XIX века» Н. Носову [37]. В данной статье интересен момент изменения структуры исторической повести, от М. Муравьева до А. Пушкина и Н. Бестужева. Меняется не только герой, но и авторское отношение к нему. Если у М. Муравьева герой типично героичен, то уже у А. Пушкина и декабристов автор заставляет нас задуматься, а так ли однообразен герой? Есть ли в нем негативные черты? На все эти вопросы мы получаем достаточно однозначный ответ – нет, с началом века в литературе многое меняется, и проза декабристов также причастна к этому изменению. Н. Носов объясняет это явление историческим подъемом русской литературы в XIX веке.

Из истории всемирной литературы под редакцией Г. Бердникова: «В европейской культуре общепринятым основоположником и первым классиком жанра был Вальтер Скотт. Жанр получил расцвет в эпоху романтизма и сохранял популярность в последующие периоды» [20]. Таким образом, мы видим, что историческая повесть – частое явление для литературы изучаемого нами периода.

Для декабристов роль литературы в воспитании гражданина своей страны была очень важна, это подчеркивалось во всех уставах общества с момента его возникновения. Я. Левкович в статье «Поэзия декабристов» пишет следующее: ««Мнение правит миром» — утверждала передовая просветительская философия XVIII в. Воспитанники этой философии — декабристы — верили в силу разума и считали необходимым и возможным воздействовать на «общее мнение». Литература и была тем средством, с помощью которого можно было формировать его, готовя страну к перевороту... Литературное творчество декабристов продолжает традиции

русского дворянского Просвещения, совмещая их с романтическими устремлениями своего времени. На скрещении этих двух тенденций — классицизма просветительского толка и романтизма — оформилась декабристская эстетика, то направление в литературе первой половины 20-х гг., которое называют «гражданским романтизмом» [29]. Так, видим, что в эпоху формирования романтизма все еще сохранялись просветительские тенденции. Литература воспринималась как дидактический элемент, способный починить умы молодых людей общей идее, с небольшой оговоркой: декабристы отошли от воспитания нравственности и взяли на себя роль воспитанников настоящих граждан, болеющих за судьбу своей страны.

Одним из первых участников тайного общества, а также составитель множества уставов и документов — князь Сергей Трубецкой. Стоит обратиться к его мемуарам, чтобы обзорно рассмотреть моменты развития тайных обществ, их членов и их судьбу после восстания. Многие декабристы после восстания были отправлены в ссылку или на каторгу, где продолжили заниматься литературным творчеством. Чтобы понять, повлиял ли исход бунта на них, обратимся к мемуарам князя Сергея Трубецкого, где очень подробно описаны события тех лет.

Этот аспект истории очень важен для нас, так как к декабристам во время задержания и допросов относились не как к обычным преступникам, а как к людям, которые угрожают государственным основам. С. Трубецкой говорил о содержании в Петропавловской крепости так: «Когда меня привели... оставя только рубашку, портки и чулки, подали халат и короткие туфли, которые через несколько дней переменили на более изорванные» [46]. Этот факт из «Записок» явно указывает на очень жестокие условия содержания, которые не могли не отразиться впоследствии на жизни и, соответственно, творчестве декабристов.

Обратимся к истории декабристского восстания на основе записей С. Трубецкого сначала. Он говорит о дне формирования тайного общества и

называет некоторые имена первых людей, вступивших в него. Это сам С. Трубецкой, казненный в 1826 году Пестель, а также писатель Федор Глинка, известный нам по повести «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия». Что интересно, повесть Ф. Глинки была написана в 1817, через год после создания тайного общества.

С. Трубецкой утверждает, что «Члены Союза Благоденствия очень понимали, что действия их на отечество не могут быть полезными, если они не будут иметь верных и подробных сведений о состоянии его, и если не приобретут знаний в науках, имеющих целью усовершенствование гражданского быта» [46]. Далее он говорит о том, что обязанность посещать лекции в университетах вошло в обязанность каждого члена общества. Мы не можем точно утверждать, привели ли эти знания некоторых декабристов к написанию исторических повестей. Однако мы можем точно сказать, что в основу нескольких повестей лег личный опыт наполеоновских войн. Так, у Н. Бестужева есть повесть «Русский в Париже 1814 года», написанная уже сильно позже декабристского восстания.

Матвей Муравьев-Апостол сказал знаменитую фразу: «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву всё, даже самую жизнь ради любви к Отечеству было сердечным побуждением нашим», к ней часто обращаются, изучая восстание декабристов. Война с Наполеоном, захват Парижа и ожидание реформ по европейским стандартам наложили значимый отпечаток не только на декабристов, но и на все светское общество Российской Империи. С. Трубецкой также упоминает об ожидании реформ. Тайное общество, по его словам, формировалось для того, чтобы содействовать Императору Александру. Тем не менее, реформы свернули, а идеи в головах молодых людей остались.

Широко известна история, как жены декабристов храбро поехали за ними в ссылку. Со временем исторический факт преобразовался в литературный символ безграничной любви и верности. С. Трубецкой также упоминает об этом, но добавляет, что его жене позволяли приходить к нему

на свидания, обмениваться письмами и некоторыми вещами. Также жены посещали и других декабристов. По словам князя, такие встречи укрепляли дух и дарили веру в лучшее.

Итак, жестокое заключение, постоянные допросы и редкие встречи с любимыми имели место быть, но все же не сломили дух многих заключенных. Казнены были лишь пятеро, остальным сохранена жизнь. Те, кто пережил сибирские морозы, позже смогли вернуться жить ближе к Москве, также многие продолжали литературную деятельность.

Также считаем необходимым упомянуть о том, как и при каких обстоятельствах возникло наименование «декабристы». Вряд ли в воспоминаниях некоторых участников восстания найдется это слово. Связано это с тем, что не все участники хотели, чтобы их так называли, возникали споры по поводу того, кто же может именоваться декабристом: все участники событий или только восставшие на Сенатской площади?

Возможно, первый, кто усомнился в правильности именоваться декабристом был Е. Якушкин: ««называться декабристом имел право только тот, кто принимал непосредственное участие в восстании 14 декабря» [53].

Декабристов называли по-разному: заговорщики, участники Южного и Северного общества, даже масоны. Последнее привело их к мысли, что для вступления в общество необходимы некоторые ритуалы, а также правила и уставы. Об этом писал князь Сергей Трубецкой, мы рассмотрим его воспоминания чуть позже.

Впервые декабристов именовали так в приговорах Верховного суда, после так стал говорить А. Герцен. Он положительно отзывался о декабристах. Вообще, такая тенденция сохранялась в XIX веке в России. Имеется свидетельство одного из осужденных декабристов: «все лица, так обозначенные императором Николаем I, проехали закованные в кандалы от Петербурга до Забайкала, всюду встречая отъявное сочувствие во всех слоях народа и глубокое уважение, оказываемое даже в самых мелочах обыденной

жизни; и эти сочувствие и уважение никогда не изменялись и впоследствии» [42].

Стоит заметить, что А. Герцен в паре с П. Огаревым занимался осмыслением декабристов и всего, что с ними связано. Вот, например, что они говорили о Николае I, и как восстание повлияло на него: ««... русского императора слишком сильно озабочивало 14 декабря, которого он так испугался, что тридцать лет не мог опомниться и его все преследовал призрак бунта...» [10]. Несомненно, и А. Герцен, и П. Огарев осознавали последствия восстания и то, как они повлияли на решения власти в будущем.

Д. Фельдман приводит определения словарей, в которых употребляется слово «декабристы»: « В Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля 1863 г. «указано, что «декабристами называют бывших государственных преступников, по заговору 14 декабря 1825 г.» [42], в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» Ф. Г. Толля декабристы – «люди, хотевшие произвести переворот 14-го декабря и поплатившиеся за него ссылкой в Сибирь в каторжную работу, а некоторые жизнью» [42]. Термин «декабристы» появился еще во время следствия, а дальше дозированно возникал у некоторых писателей, критиков и исследователей.

Итак, мы рассмотрели контекст формирования декабристов и декабристской литературы: исторический подъем России после победы над Наполеоном, творчество Пушкина, посредством которого переосмыслялась литература и ее роль в целом, а также смена эпохи классицизма и осмысление новых литературных направлений. Все это сделало не только прозу декабристов, но и стало почвой для развития литературы дальше. Так формировался «золотой век» русской литературы, ставший значительным этапом для русской литературы всех последующих лет.

1.2. История изучения прозы писателей-декабристов

Рассматривая творчество декабристов невозможно пройти мимо работы Ю. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни». Как формировались «декабристы» в обществе того времени, что влияло на их творчество и сознание – все это описано в статье, и мы хотим обзорно обратиться к ней в первой главе нашей работы. На основе исследования Ю. Лотмана нам представится возможность подробно разобрать творчество писателей-декабристов, оценить стиль работ, идеи и проблемы относительно времени.

Ю. Лотман объясняет особенности мировоззрения "декабриста", рассказывает о его поведении в обществе и в семье, в кругу незнакомых и близких по духу представителей дворянства. Сразу вводится понятие о декабристе, как об «определенном культурно-историческом и психологическом типе» [31].

На примере поведения Чацкого из пьесы Грибоедова «Горе от ума» Ю. Лотман объясняет внешнюю сторону поведения декабриста. Он правдоруб, не терпящий прежнего уклада жизни. Но главная его особенность, по Ю. Лотману, в том, что декабрист, который ведет себя вызывающе и рьяно доказывающий свою точку зрения, абсолютно честен с собой. Он искренне верит в то, что говорит, не приемлет не только несправедливости, но и уклада общества, в котором принято в каждой конкретной ситуации быть разным. Декабристы в любой сфере жизни отказываются от метафоризации жестов и слов. «Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат», - отвечал Рылеев. «Так что же, - сказал Дельвиг, - разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?» зафиксировал Пушкин» [31]. Эта черта видна и в их произведениях, поэтических и прозаических.

Однако не стоит полагать, что все декабристы мыслили и действовали одинаково. Лотман раскрывает эту тему на примере спора П. Пестеля и М. Лунина. Их взгляды различались в организации восстания: П. Пестель был сторонником тщательной подготовки нормативных материалов, уставов и

точного плана восстания, когда как М. Лунин был сторонником быстрых действий.

Отношение слова и действия с точки зрения формы и содержания Ю. Лотман раскрывает достаточно полно, на наш взгляд. Автор объясняет, что для декабриста «не слово обозначает поступок, а поступок обозначает слово» [31]. Таким образом, содержанием становится не мысль, а оценка поступка, то есть для декабриста важно гласно осудить того, кого он считает неправым.

Таким образом, на основе исследования Ю. Лотмана, нам становится более понятным тип «декабриста». Мы знаем его и в литературе, и в историческом контексте. С литературным типом все ясно: декабрист, как Чацкий, правдоруб, с обостренным чувством справедливости и собственным миропониманием, отличным от общественного. Однако стоит понимать, что декабристы как историческое явление – совсем иной тип. Ю. Лотман показывает, что не все декабристы имели одно мнение на счет восстания, регулировки власти после, да и жизненные приоритеты были у всех разные.

Что же касается развития романтизма в целом – после восстания он начал изживать сам себя, романтические образы и мотивы переосмыслились многими писателями. Яркое это показывает творчество А. Бестужева-Марлинского. До 1825 года его литература была пронизана романтическими образами, однако его повести в ссылке показывают, что он не отказывается от романтизма, но все же иронизирует над принципами построения такого произведения.

Важным материалом для изучения произведений декабристов является книга В. Базанова «Очерки декабристской литературы». Большое внимание автор уделяет литературному процессу в период с 1812 по 1825 годы и переосмыслению русских писателей роли истории и историчности в их произведениях.

Заметно в книге В. Базанова выступает Федор Глинка с его повестью «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия». Это произведение автор анализирует как раз с точки зрения становления

самобытной литературы декабристов. Объясняется и стиль автора, нарочито высокий и с небольшим флером романтизма, и авторское осмысление героя. Богдан Хмельницкий у Ф. Глинки, несомненно, герой. Патриотичность сквозит через все произведение, но не только этим фактом примечательна повесть Ф. Глинки – он пытается показать своеобразие и значимость русской культуры и истории.

Вторая часть книги В. Базанова посвящена изучению творчества А. Бестужева-Марлинского. Рассматриваются ранние работы писателя, а также его деятельность как критика. Мы уже говорили о том, что декабристы активно занимались критикой и пытались понять новое направление в литературе – романтизм.

А. Бестужев-критик разбирался во многих аспектах и критики, и истории литературы, а также был оценен В. Белинским. «Белинскому пришлось по душе полемическая направленность литературных обзоров декабриста-критика. Ему было ясно, что Бестужев боролся в своих статьях за передовые идеи и смело выступал против устаревших норм и правил, против «тогдашних литературных староверов». «Полемические статьи Марлинского, — говорит Белинский, — были его журнальными схватками с тогдашними литературными староверами и отличаются верностью взгляда на предметы, остроумием и живостью» [1].

Кроме того, В. Базанов утверждает, что без критики А. Бестужева не было бы той критики, которую мы знаем и сразу после него, и много позже. А. Бестужев прекрасно разбирался в литературе, высоко ценил В. Жуковского и Н. Карамзина, но все же его взгляды формировались под огромным влиянием политических изменений в мире. А. Марлинский болел за Россию, ее судьбу, и в большей степени за русскую литературу. «Как не пожалеть, что некоторые... по незнанию ли отечественного языка или из тщеславия быть известным в чужих краях пишут на языке французском! Это в первом случае не извинительно. А во втором — слишком для русского униженно: Державин не имел надобности писать по-китайски, но ода «Бог»

переведена на китайский язык» [4] – писал Бестужев в рецензии «Опыт о происхождении зла».

Также много А. Марлинский писал о развитии русской литературы. Известны его статьи «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», «Взгляд на старую и новую словесность в России». Его обзоры были написаны больше наступательно и воинственно, чем образно и эмпирически: «... написано в защиту народности и гражданственности, в защиту того наследия, которое декабристы должны знать и на которое им следует опираться в своей литературной практике и в своей борьбе за самобытную литературу» [1].

«Бестужев в своих исторических повестях избрал темой «описание земель и народов» [1], так начинает описывать литературное творчество А. Марлинского В. Базанов. Ранняя повесть А. Бестужева – «Поездка в Ревель» – ранними советскими исследователями причислялась к списку сентименталистского путешествия, однако В. Базанов говорит о том, что поставить рядом повесть А. Бестужева и Н. Карамзина с его последователями – ошибка. «Карамзинисты, по словам Бестужева, «вздыхали до обморока», «роняли слезы на ландыши» [1], а сам А. Бестужев более ориентирован на описание реальной народной жизни. Эта боль о стране и забытом подвиге русского крестьянства в войне против Наполеона не оставляла не только А. Марлинского, но и других декабристов. Сентименталисты же не интересовались ни народом, ни реальным положением дел. Таким образом, даже ранние работы А. Бестужева-Марлинского мы точно можем определить к романтизму.

В. Базанов уделяет много внимания рассмотрению исторически сложившейся обстановке, в которой было создано то или иное произведение А. Марлинского, а также литературному процессу. О «Поездке в Ревель» много рассказано с точки зрения крестьянских бунтов в Прибалтике, которые в те годы происходили в Эстонии, свидетелем чего стал сам А. Бестужев. Также тщательно разобрана проблема определения повести к тому или иному

литературному направлению. По такому же принципу далее разбирается «Новгородская повесть».

Мы уже говорили, что история очень важна в изучении творчества декабристов. А. Бестужев старался историчность сохранить, К. Рылеев в «Думах» не сильно заботился об этом, его больше интересовал образ героя, который существовал в реальности. Но все же в том или ином случае отсылки к истории и роль национального героя несомненно важна для декабристов. Таким же образом В. Базанов рассматривает и «Ливонские повести».

Мы уже выяснили, что изучение биографии писателей-декабристов очень важно для изучения их произведений. Значительный вклад в изучение жизни и творчества декабристов внес Н. Котляревский. Сын слависта, историка литературы, археолога и этнографа А. Котляревского. Окончил Коллегию Павла Галагана (1881) и историко-филологический факультет Императорского Московского университета (1885).

В своей работе «Декабристы. А. И. Одоевский, А. А. Бестужев-Марлинский, К. Ф. Рылеев» проанализирована не только литературная составляющая, но и взят во внимание биографический и исторический контекст. Однако в работе есть спорные моменты, связанные с эпохой, в которой жил и писал автор, мы внимательно рассмотрим и разберем некоторые из них.

О поэтическом таланте Одоевского Н. Котляревский отзывался так: «... он отозвался таким глубоко прочувствованным стихотворением...» [25]. Природную красоту он воспевал в связке с человеческой: искал сходства, часто использует сравнения природы с человеком в лучшие моменты его жизни. Однако, опираясь на статью Ю. Лотмана, отметим, что декабристы с литературном творчестве, также, как и в жизни, не видели смысла казаться "другими" относительно ситуации, в которой они находятся. А. Одоевский, написав стихотворение на смерть Д. Веневитинового, «отпевал самого себя»

[25]. Можем сделать вывод, что литературное творчество декабристов связано не только с их биографией, но и с жизненной позицией.

Интересен в этой работе анализ личности и творчества А. Бестужева-Марлинского. Автор описывает А. Марлинского как романтика и сентименталиста. Все же Н. Котляревский жил и писал в период с конца XIX и до первой четверти XX века, так что насчет утверждений о сентиментализме в творчестве А. Бестужева-Марлинского можем поспорить на основе книги В. Базанова, вышедшей позже. Повести А. Бестужева-Марлинского действительно напоминают сентименталистскую прозу, так как эпоха сентиментализма находится рядом с романтизмом и прозой романтиков, относительно четкую границу мы наблюдаем при дальнейшем рассмотрении, то есть спустя достаточное количество времени для анализа некоторых работ не только в литературной среде, но и в историческом контексте развития жанров и направлений.

Н. Котляревский говорит о том, что больших и значимых художественных работ после себя Марлинский не оставил: «От Марлинского не осталось ни одного крупного произведения, которое своей художественной силой могло бы спорить со временем. Остались мелкие критические статьи и обзоры литературных новостей, любопытные по новизне критических приемов, смелости и верности отдельных замечаний, но разрозненные и не сводящие в одно целое всего, что имел сказать автор о законах прекрасного...» [25]. С некоторыми заявлениями мы можем не согласиться, однако стоит помнить, что изучение декабристов и их творчества Н. Котляревским выдалось на первое десятилетие XX века.

Нестор Александрович застал прекрасную эпоху русской литературы: роман-эпопея Л. Толстого, психологические романы Ф. Достоевского и реализм И. Тургенева – время вклада русских писателей в мировую литературу. Сложно представить, что работы небольшого объема и не наполненные сложными сюжетными перипетиями могут занять особое место в списке великих произведений того времени. Этот аспект работы мы

опустим, лишь указав, что такие заявления отлично указывают на динамику в изучении художественного наследия декабристов, ведь уже спустя полвека исследователей не особо волнует объем изучаемого произведения.

Нам интересна вторая часть приведенной нами цитаты. Бестужевская критика на самом деле была принята и его современниками, и позже исследователями, почти не вызывая споров и сомнений в ее актуальности. Сначала А. Бестужева разглядели как критика, а после ему удалось легко завоевать сердца читателей. Даже находясь в ссылке на Кавказе, он публиковался в журнале «Московский телеграф», что во времена ужесточенной цензуры с подачи Николая I было весьма опасно.

О поэтической деятельности К. Рылеева Н. Котляревский относился также неоднозначно. «Рылеев в той форме, которую он придавал своим стихам, был недурным учеником Жуковского и Пушкина. Но и в этом смысле его нельзя поставить на одну доску с Языковым, Баратынским или Веневитиновым, из которых каждый разработал самостоятельно известную область художественного творчества – кто элегию, кто веселую песню, кто философскую лирику. У Рылеева не было такой песни, которая бы носила на себе отпечаток его индивидуальности именно как художника...» [25].

С этим заявлением можно поспорить, ведь рылеевские «Думы», претендующие на описание истинного героя, не особо ориентированные на историчность в описании, стали поистине индивидуально авторским жанром. Можно сказать, что К. Рылеев синтезирует одическую поэзию с исторической элегией, и впоследствии в истории литературы мы не наблюдаем подобных литературных фактов.

Таким образом, изучая работу Н. Котляревского, можем сказать, что в ней есть утверждения, с которыми можно не согласиться, а есть и устоявшиеся в литературоведении факты, изложенные автором доступно и легко. И все же рассмотрение этой работы очень важно для понимания динамики в изучении нашей темы, о чем мы уже сказали выше. Для понимания, как выглядело литературное произведение внутри эпохи

необходимо время, которое откроет новые факты в истории литературы, изучаемой страны, а также другие малоизвестные произведения. Благодаря таким фактам мы можем более точно и полно оценить вклад того или иного писателя в развитие литературы в целом. Теперь у нас эта возможность имеется, так что можем точно сказать, что некоторые описанные нами утверждения неверны и подлежат пересмотру.

Мы уже затрагивали проблему определения литературного направления произведений декабристов, также рассмотрели работы Н. Котляревского и В. Базанова, в которых так или иначе описывается принадлежность творчества декабристов к тому или иному направлению. Мы считаем, что необходимо привести еще одну фундаментальную работу.

Рассмотрим статью, в которой автор на основе биографии писателя и литературного процесса раскрывает некоторые особенности перехода от сентиментализма к романтизму и формирования реализма. Это статья Н. Степанова «Бестужев-Марлинский» из сборника «История русской литературы» в 10 томах.

Н. Степанов отзывается о литературном процессе, который легко можно проследить по творчеству Марлинского так: «Проза Бестужева-Марлинского появилась в такой переходный период от сентиментализма и одностороннего, субъективного романтизма — к реалистическим путям развития русской реалистической литературы, во главе которой находились Пушкин и Гоголь. В дальнейшем, в 40-х и 50-х годах самое имя Марлинского стало ходовым обозначением, синонимом всего ... искусственно-романтического, неестественного в литературе» [45]. На наш взгляд, на примере А. Бестужева-Марлинского прекрасно можно разобрать проблемы определения литературного направления, и в данной статье описано с исчерпывающей точностью, что именно происходило в литературе в тот период.

Подводя итог всему выше сказанному, мы разобрали особенности творчества А. Бестужева-Марлинского, привели с помощью научных

источников несколько неоспоримых фактов, причисляющих его творчество к романтическому направлению, а также рассмотрели развитие научной мысли на этот счет в динамике.

Стоит отметить и вклад А. Марлинского в литературу: «Историческая справедливость требует, однако, признать в Бестужеве-Марлинском талантливого и яркого писателя, выражавшего в 20-х и в начале 30-х годов передовые стремления дворянских революционеров-декабристов. Им была создана передовая по своей идейной направленности и своеобразная по своим художественным принципам романтическая повесть, сыгравшая, хотя в ограниченных пределах, свою роль в развитии русской прозы» [45].

Необходимо также рассмотреть особенности прозы и другого выделенного нами декабриста. Николай Бестужев отличался от современников тем, что в своей художественной прозе в какой-то степени предвосхищает критику светской среды, зазвучавшую в тридцатых годах в прозаичных произведениях В. Одоевского и А. Бестужева. Когда Николай Бестужев писал «Похороны», не только не появились в печати, но и не были созданы те произведения, в которых бы обличается «большой свет».

Он был «декабристом» от начала и до конца, его угнетала социальная несправедливость. Он боролся за нее не только на Сенатской площади, но и на страницах своих повестей. Его не сломило заточение и долгий процесс расследования. Мы уже затрагивали эту тему, когда рассматривали мемуары князя Трубецкого. Николай Бестужев – яркий пример тому, что ни жестокие условия содержания, ни ужасное отношение в Петропавловской крепости не отняли того пылкого рвения бороться за справедливость до конца.

Что же мы знаем о литературе Бестужева? Она вся пронизана отсылками к вопросам личной и общественной морали. Тем не менее, Николая Бестужева смело можно назвать отличным писателем: его работы написаны умелой рукой и по своему художественному уровню не уступают произведениям Александра Бестужева первой половины 20-х гг. Даже в

период николаевской цензуры он затрагивал важные и волнующие читателя темы.

Например, остался отклик читателей на «Рассказы старого моряка»: «Прочитав его «Повести и рассказы старого моряка», всякий видит, что это только пробы писателя в разных родах, но пробы, обещавшие писателя не одностороннего, не пристрастного, не отличавшегося каким-нибудь наружным способом выражения, а писателя умного, дельного, наблюдательного, произведения которого могли долго жить в литературе и долго пользоваться уважением критики. В нём вырабатывался писатель, которым бы гордилась русская литература».

Мы знаем Николая не только как хорошего писателя, по праву завоевавшего сердца читателей, но и одного из первых писателей того времени, кто обратился к исторической теме в литературе. Мы упоминали об этом выше, рассматривая статью Носова «Русская историческая повесть первой половины XIX века».

1.3. Понятие мотива и лейтмотива в литературоведческой традиции

Лейтмотив – термин, изначально введенный в музыку исследователями творчества Вагнера. Изначально лейтмотив в качестве музыкального термина обозначал «руководящую мысль, преобладающее настроение, гл. тему, осн. идейный или эмоциональный фон произведения, творчества, направления» [49]. Д. Ушаков дает два определения термину: «Гармонический или мелодический оборот, постоянный звуковой образ (преимущественно в опере), употр. композитором для характеристики какого-н. героя или какого-н. переживания, сценического положения и повторяющийся всякий раз при появлении героя или при наступлении данного положения в ходе действия (муз.). Лейтмотивы в операх Римского-Корсакова. 2. перен. Основная мысль, руководящее начало, главный тон. Лейтмотив книги. Лейтмотив рассуждения» [49].

Мы будем использовать термин в том виде, в котором он существует в литературоведении. Например, Л. Гинзбург говорила о творчестве А. Пушкина так: «Сквозь творчество Пушкина лейтмотивом проходит автобиографический образ в сопровождении образов друзей и знакомых поэта» [11].

И. Книгин также понимал термин как «преобладающее настроение, главная тема, основной идейный и эмоциональный тон литературно-художественного произведения, творчества писателя, литературного направления» [23]. Таким образом, мы выявили, что лейтмотив как термин многими литературоведами используется примерно одинаково. Это понятие, которое используется для возможности взглянуть на произведение, творчество одного автора или целого направления более широко. Выявление определенного лейтмотива помогает определить основные векторы развития творчества одного писателя или группы писателей, как в нашем случае.

Мы считаем необходимым также ввести понятие мотива. В большой российской энциклопедии под редакцией С. Кравец находим такое определение: «Мотив – в литературе, наименьший структурно-содержательный компонент текста. Термин «М.» впервые зафиксирован в «Музыкальном словаре» С. де Броссара (1703). К изучению М. первоначально обратилась фольклористика, где М. трактовался как «простейшая повествовательная единица», лежащая в основе мифологических и сказочных сюжетов и имеющая признаком «образный одночленный схематизм» [26].

Так, следует, что лейтмотив и мотив как понятия не тождественны, хотя созвучны и обозначают идейные плоскости текста. Во второй главе нашей работы мы подробно будем разбирать лейтмотивы и мотивы в произведениях декабристов. Мотив – термин для более узкого и конкретного анализа, так, в повести «Фрегат Надежда» А. Бестужева-Марлинского четко прослеживается любовный мотив. В свою очередь, лейтмотив мы выделим более широко: в литературе А. Бестужева-Марлинского 30-х – 40-х гг. четко прослеживается образ Кавказа.

Мотив в литературоведении более «прост», как может показаться с первого взгляда на проблему. Эта простота объясняется в статье А. Веселовского «Поэтика сюжетов». Он рассматривает мотив и сюжет как объясняющие мир элементы древней литературы, которая только зарождалась и являлась элементом не только народного творчества, а еще и способом объяснения обществу основ мироздания и устройства мира в целом.

По словам А. Веселовского, мотив изначально был схемой, на которую нанизывались более сложные и уникальные вещи. «Под мотивом я разумею формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности» [6]. Несмотря на то, что в работе автор объясняет становление мотива в рамках изучения «низшей мифологии и сказки», мы все же будем использовать и эти материалы для изучения мотива. Функционирование мотива в тексте Веселовским описывается так: «Признак мотива — его образный одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки: солнце кто-то похищает (затмение), молнию-огонь сносит с неба птица; у лосося хвост с перехватом: его ущемили и т. п...» [6].

Постепенно мотив перерастает в сюжет, он уже объясняется как сложные схемы. Именно из мотива, построенного по формуле «а + b: злая старуха не любит красавицу — и задает ей опасную для жизни задачу» [6], рождается сюжет, который продолжает эту схематическую тенденцию: наращиваются новые подробности, которые превращаются мифологическое объяснение мира в древнейшую форму народного творчества.

Нам же интересно объяснение понятия мотив, поэтому далее рассматривать эволюцию сюжета мы не будем. Итак, за основу в нашей работе возьмем тот факт, что мотив — простейшая составляющая сюжета в произведении, тогда как лейтмотив — основной тон произведения или литературного направления.

1.4. Лейтмотивная структура в повествовательной прозе.

Мы считаем необходимым осветить проблему различия мотива и лейтмотива в прозе более полно. За основу наших рассуждений возьмем книгу И. Силантьева «Поэтика мотива». Мотив в отношении повествования выступает обобщающей единицей. В то же время повествование отделяется автором от фабулы и сюжета: оно не зависит от множества законов художественного текста, и, являясь нарративом, представляет собой последовательное изложение событий. «...мотив — это единица повествовательного языка. Соответственно, как единица языка художественного повествования, мотив обретает определенные фабульные и сюжетные свойства и функции» [44].

Важным аспектом анализа мотива в книге является рассмотрение его в связке с темой. Основываясь на исследования Б. Томашевского, В. Шкловского и других, И. Силантьев приходит к тому, что мотив неразрывно связан с темой: «Мотив как носитель семантического субстрата смысла нарратива (подобно слову в речи) неотделим от темы — как формы содержательной фиксации этого смысла» [44]. Стоит отметить, что не только мотив находится в прямой зависимости от темы: они стали взаимодополняющими элементами повествовательного текста. «Но и мотив невозможно представить вне тематического начала. Мотив без темы — это не более чем чистая идея перемены» [44]. Так, мотив в самом себе может нести и тему повествования. Ярким примером является принцип называния мотива через ключевое слово – мотив уединения, мотив преступления, мотив похищения.

Также И. Силантьев подробно разбирает проблему мотива и лейтмотива. Мотив рассматривается в работах многих ученых, но также часто мотив заменяется понятием лейтмотив как синонимичным, или очень близким по значению. «Вместо термина «мотив» в данном определении с тем же правом может находиться и термин «лейтмотив», характерно обозначенный в самом заглавии цитируемой книги («Литературные

лейтмотивы»» [44] – спорит И. Силантьев с М. Гаспаровым. Однако И. Силантьев отходит от этой точки зрения изучения мотива и лейтмотива и присоединяется к другим исследованиям, которые рассматривают лейтмотив и мотив как разные части текста.

Итак, И. Силантьев присоединяется к работам И. Богатыревой и И. Роднянской и утверждает, что лейтмотив, в отличие от мотива, необходимо рассматривать с точки зрения частоты упоминания в тексте. «Признак лейтмотива — его обязательная повторяемость в пределах текста одного и того же произведения; признак мотива — его обязательная повторяемость за пределами текста одного произведения» [44].

Таким образом, лейтмотив в повествовательной прозе характеризуется частотой использования и функционированием внутри одного конкретного текста. Мотив же работает как внутри текста, так и вне его. Действительно, мотив и лейтмотив могут быть схожи по своей структуре и роли в тексте. Но И. Силантьев предлагает рассмотреть еще один аспект, который принципиально разводит мотив и лейтмотив: связь лейтмотива и темы.

Лейтмотив не зависит от темы так, как мотив. Лейтмотив определяется больше своей функцией в тексте, а именно частотой повторений. Мы не можем сказать «лейтмотив уединения», но можем — «лейтмотивом прослеживается тема уединения».

«...в своей доминанте не тематико-семантическая, а скорее функциональная: лейтмотив определяется с учетом характера его повторяемости в тексте произведения» [44].

В нашей работе мы будем рассматривать лейтмотивы в прозе декабристов. На основе книги И. Силантьева, мы знаем, что лейтмотив зарождается внутри произведения, а не вне, поэтому, разбирая творчество декабристов мы сможем выделить лейтмотивы и рассмотреть их как функционирующие единицы каждого конкретного текста. Учитывая неразрывную связь мотива и лейтмотива, в дальнейшем нам все же придется обращаться к этим двум явлениям.

Глава II. Система лейтмотивов в прозаическом творчестве писателей-декабристов

2.1 Основные лейтмотивы прозы декабристов

В первой главе нашей работы мы разобрали проблему мотива и лейтмотива, а также рассмотрели особенности декабристской прозы относительно исторических изменений. В начале этой главы считаем необходимым выделить основные лейтмотивы декабристской прозы.

Мы указывали выше, что лейтмотив отличается от мотива тем, что он работает внутри конкретного произведения, тогда как мотив может быть рассмотрен и вне рамок одного текста. Мы приведем несколько мотивов, которые можно проследить не только у декабристов, но рассматривать будем их в структуре лейтмотива, то есть на примере одного произведения.

Главной темой творчества декабристов, конечно, является гражданственность и гражданская позиция. Это характерно и для прозы и для поэзии. Декабристы очень трепетно относились к вопросам социальной справедливости, этот аспект очень эмоционально описан К. Рылеев в стихотворении «Гражданин»:

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги [43].

По поэзии достаточно просто отследить острую социальную роль, которую декабристы примеривали на себя. Творчество К. Рылеева почти полностью подчинено этому мотиву.

В прозе же гражданские мотивы часто смешиваются с мотивом героя в истории. Это еще один лейтмотив, который мы рассмотрим на примере произведения Ф. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий». Здесь героизм сливается с патриотизмом и рассуждениями автора об отмене крепостного права. Так, можем рассмотреть и мотив гражданина, болеющего за свой народ, и героя в истории. Вообще, декабристы часто обращались к вопросу

переосмысления собственной истории и личностей, участвовавших в ее становлении.

Еще одно произведение, в котором лейтмотивом проходит историчность – «Русский в Париже 1814 года» Н. Бестужев описывает образ будущего декабриста. Главный герой – Глинский – наблюдает за жизнью и устройством Парижа. Он прошел по Европе, чтобы войти в Париж, пережить любовные потрясения и все же вынести свои идеи из Парижа обратно в Россию. Здесь мы видим, как рождается будущий участник восстания на Сенатской площади. Появляется и герой в истории, но не абсолютно героичный, как у Ф. Глинки. Глинский героичен как офицер, дошедший до Парижа, он – часть истории, не главная, но тоже интересная и многогранная.

Два этих произведения похожи исторической основой, это их связывает, однако мотивы, которые движут сюжет, разные. Считаем необходимым вставить ремарку и немного порассуждать об историчности в повествовании.

Об этом говорит В. Коровин в статье «Заветные преданья». Любовь к истории русскому дворянству привил Н. Карамзин после выхода в свет «Истории государства Российского». Он заставил посмотреть на историю под другим углом, а также вскрыл множество неизвестных до того момента фактов. Также интересно, что у Н. Карамзина историческая наука слилась с художественной. История заиграла новыми красками, люди увидели в труде Н. Карамзина «достоверную картину жизни, борьбу мнений, психологический накал страстей и готовые сюжеты для философско-исторических, нравственных и художественных размышлений» [24].

В тот же момент встал вопрос об историчности: должно ли произведение повторять точную историческую картину или достаточно исторического персонажа для передачи духа времени?

«На первый план выдвигалась задача передать типическое в особенном, и, по сравнению с современностью, даже необычном и странном, и через него понять права народа и каждого лица, участвующего в истории.

Русская историческая повесть постепенно усваивала как историзм Карамзина, так и повествовательную манеру Вальтера Скотта. Однако это усвоение шло чрезвычайно трудно и сопровождалось несогласиями, спорами, резкостью суждений. Предметом открытой или скрытой полемики стали принципы историзма и их претворение в литературе» [24].

Мы не можем сказать точно, обязана ли быть историческая проза достоверной. Однако, в нашей работе мы рассмотрим два произведения на историческую тему, одно из которых совершенно не достоверно, а второе писалось с помощью сбора точной информации у очевидцев. Но, как бы не отличались друг от друга повести, Ф. Глинка и Н. Бестужев создали замечательные произведения, где споры об историзме отходят на задний план.

Еще один важный мотив декабристской прозы – мотив дороги, который раскрывается у А. Бестужева-Марлинского. В его повестях, чаще о южных регионах, герои проходят не только по пути в прямом смысле, но и по мистическому ирреальному пространству. «... у А. Марлинского главный герой отправляется в дорогу ради спасения отечества или личного счастья, при этом в ходе испытаний своекорыстная цель может смениться ответственностью перед обществом. В связи с этим дорога у А. Марлинского может наделяться следующими свойствами широкая прямая дорога - законный, одобряемый обществом путь, а окольные тропинки на жизненном пути - что-то мелкое, своекорыстное, осуждаемое. Посредством дороги автор передает и личностную характеристику своих персонажей» [35].

Мотив пути у романтиков часто связывается с фольклорными мотивами. Как мы уже уточнили, у А. Бестужева-Марлинского дорога не является простым преодолением пути, она более сложная. Путь героя подчинен фольклорной схеме:

- Отъезд героя/герой уже в пути;

- Герой встречает на пути препятствие;
- Неожиданная встреча;
- Испытание;
- Возвращение домой/духовное перерождение.

Так построены многие произведения А. Марлинского, в которых герой находится в пути. Для дальнейшего анализа возьмем очерк «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы».

2.2. Лейтмотив гражданственности

Мотив гражданственности — один из ключевых элементов литературы декабристов, отражающий связь личности с обществом, ответственность перед народом и страной, а также осознание себя частью общего дела. В творчестве декабристов гражданственность и осознание себя частью общества является важной частью не только их литературного наследия, но и жизни в целом. Как мы уже указывали выше, это связано с победой над Наполеоном и общей рефлексией о себе как о народе-победителе.

Ю. Манн в «Особенностях русского романтизма» рассуждает о том, какими особенностями наделен романтизм именно в России. Так, для русского романтизма характерно особое переживание гражданских мотивов, что часто наблюдается в произведениях декабристов. Гражданский пафос, однако, выражается конкретно: «... жажда освобождения родного края, «дело чести и отчизны», как у Войнаровского. Но и будучи общественной, мотивировка, как правило, конкретизируется; месть строго целенаправленна — против «тиранов» и их приспешников, не расширяясь до мести всему человечеству» [32].

Гражданин для декабриста является не только жителем страны или ответственным за состояние общества в целом, это понятие включает множество аспектов. Так, гражданин в первую очередь — патриот.

Патриотизм определяется не только безусловной любовью к Родине, но и стремление к переменам.

А. С. Пушкин, довольно близко знакомый с декабристами, в своих произведениях часто выражает тягу к родным местам. Его герой выбирает родные уголки взамен европейской пышности и праздности:

Я твой – я променял порочный двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья [41].

Декабристы также обращались к вопросам социальной несправедливости и неравенства, стремясь привлечь внимание читателей к проблемам бедности, угнетения и бесправия народа. Часто мотив несправедливости встречается у К. Рылеева. В его стихотворениях повторяется не только боль об угнетенных, но и осуждение тех, кто закрывает глаза на эту проблему:

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека [43].

Гражданственность здесь проявляется и в чувстве долга перед обществом, которое требует от каждого гражданина осознанного участия в решениях социальных проблем.

Стоит отметить, что гражданственность в произведениях декабристов подчиняется законам романтизма, который активно осознается ими в период создания этих произведений. Романтики ощущают социальную несправедливость очень остро, реагируют на нее также. Уже в эпоху реализма социальные конфликты описаны по-другому, в рассуждениях о справедливости много психологизма и рассуждений не о решении проблеме, а о причине ее возникновения, как, например, в произведениях Ф. Достоевского.

Декабристы же считали своим долгом заявить о творящихся ужасах внутри страны и немедленно решить их. Так, влиянию романтизма подвержены многие прозаические произведения декабристов. Рассмотрим более подробно на примере повести Ф. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия».

Ф. Глинка описывается исследователями чаще всего в контексте религиозного писателя, также часто упоминают и о его патриотичных взглядах. Конечно, «Зиновий Богдан Хмельницкий» не религиозная повесть, и в ней тяжело найти сильные христианские мотивы. Но все же она овеяна патриотичностью, поэтому, ссылаясь на исследования, рассмотрим творчество Ф. Глинки с разных точек зрения.

Ф. Глинка не получил больших исследований при жизни, а после, едва начавшись, исследования прекратились ввиду большевистской цензуры. А. Милюков обозначает творчество Ф. Глинки так: «Общее значение Ф.Н. Глинки, как литератора и поэта, давно уже определилось. Он, конечно, не принадлежит к числу крупных талантов, пролагавших какие-нибудь новые пути в искусстве; но в той блестящей поэтической плеяде, средоточием которой был Пушкин, он занимает видное место по независимости и своеобразному характеру своего дарования. Его не коснулось даже обаятельное влияние Байрона, неотразимо подчинившего себе многих, более талантливых поэтов той эпохи» [34].

Действительно, его проза отличается от прозы А. Пушкина, А. Бестужева-Марлинского и других. В тексте нет утонченной легкости пера А. Пушкина или явных романтических мотивов А. Марлинского, но тем проза Ф. Глинки и интереснее. Его взгляды формировались в провинциальных городах – Орле и Твери – откуда и появился интерес к религиозным мотивам в прозе и поэзии. В. Зверев в своей диссертации о творчестве Ф. Глинки пишет: «...в Твери и Орле, формируется духовно-эстетический стержень Ф.Н. Глинки как автора, склонного к религиозной тематике и масштабному лиро-эпическому духовному повествованию» [19].

Так, в повести «Зиновий Богдан Хмельницкий» наблюдаем масштабность повествования. Герой отправляется в дальние края на освободительную войну, его речи охватывают проблемы целой страны, которые он готов решить, а также тему героичности самого Хмельницкого – он стремится стать народным героем и точно знает, что на меньшее не согласится. Как мы указали выше, в этой повести сложно выделить религиозный мотив, но явно прослеживается тема отцов и детей.

Поколения не находятся в конфликте, они продолжают и дополняют друг друга. Отец Богдана Хмельницкого был славным воином, и сын его стремится стать таким же, даже не зная всех подвигов родителя. В момент, когда Богдан уже знает, что обретет славу, он становится единым целым с отцом. «Восхищенный родитель взял на руки новорожденного и вынес пред войско: гром пушек и восклицания ратников встретили – тебя!.. ... Вода зачерпнута была из Днестра и налита в купель шлемами храбрых. Один из воинов, имевший почти столько же ран, сколько считал лет жизни своей, и другой я – были восприемниками твоими... Под звуком труб и веянием знамен ты был повит; хоругвь Отечества осенила колыбель, повешенную на ратовье копия... Так, я вижу ясно, – сказал по некотором молчании Вассиян, – я вижу, что не рожден ты для спокойствия!» [12]

Видим, что Богдан Хмельницкий не только продолжатель дела отца, но и, рожденный на поле боя, един и с ним. Его судьба будто предрешена, но Хмельницкого это не тревожит, он жаждет, чтобы жизнь шла именно так.

В. Зверев пишет: «Тут проявлялся не только миролюбивый человеческий характер писателя, но и его мистическая православная смиренность и идущее от нее – щедрое добродушие при восприятии художественного мира» [19].

Исследователи считают, что Ф. Глинка в своих произведениях явно выражает свои взгляды и не скрывает привязанности к тому или иному эстетическому направлению. Анализируя героический образ Богдана Хмельницкого, можем заметить, что он явно симпатизирует Ф. Глинке. Он

патриотичен, хочет много добиться ради народа, и в то же время для него отец является авторитетом, он не может просто уйти без отцовского благословения. Смешиваются патриотичные и религиозные взгляды Ф. Глинки, что дает нам повод полагать, что Богдан Хмельницкий для него – явно положительный персонаж.

«Между патриотическими и религиозными чувствами писателя не было разделительной черты: любовь к родной Отчизне у него непременно одухотворена и согрета православным мироощущением. Отстаивать честь Родины для поэта значило стоять за правое дело, благословенное и сообразное с христианской верой. Православное и российское для него были нераздельны» [19].

Тема патриотизма появляется в произведениях Ф. Глинки в начале его творческого пути и сохраняется очень долго. Например, в 1812 году им написано стихотворение «Солдатская песнь, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года».

Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит!

...

Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем! [13]

Стихотворение написано в 1812 году, здесь явно прослеживаются и религиозные мотивы («Вера нам и верность свята») и патриотичные («Здесь, России у дверей, стать и биться нам с врагами!»). И уже в поздних стихотворениях также сохраняются эти два, нераздельных для писателя, мотива. В 1854 году Ф. Глинка пишет «Пожар России», стихотворения из цикла произведений о Крымской войне.

Горит Россия, край бесценный!
Никто, на помощь не зови;

Её пожар - пожар священный:

Она горит огнем любви!..

...

И Бога мощные глаголы,

Грозами потрясая доли,

Далеко рассыпали страх [13].

В прозе также писателя интересует патриотичность и гражданственность героя. Хмельницкий у Ф. Глинки истинный патриот: в его речах слова о свободе и о любви к Родине всегда стоят рядом. Мы понимаем, что для героя это два нераздельных чувства, где одно дополняет другое. Свобода страны – свобода народа, а подарить народу свободу для Хмельницкого является выражением любви и преданности в высшей степени. «Нет, родитель мой! Не рабу даровал ты жизнь, не для рабства воспитал меня... Ах! Не сам ли ты возвысил дух мой, внушил мне благородство чувств, открыл всю прелесть свободы и весь позор рабства? ... Удел рабства, родитель мой, есть невежество. И для чего знать рабу, что были люди, которых великий дух управлял народами, расторгал позорные цепи, двигал престолами и строил города среди глухих пустынь?» [12]

Он сам не хочет быть скованным, и также не желает этого для своих земляков, для всего народа Малороссии. «Для славы готов сразиться со всеми бедствиями в мире. Но да поразит меня небо всеми громами своими, если честолюбие станет управлять поступками моими, если возжажду славы для личных своих польз. Нет, я хочу приобрести славу, чтоб получить доверенность народа и, уважая святость оной, употребить ее к его же благу» [12].

Религиозная тема в повести также раскрывается в противостоянии православия и католичества. Противостояние Хмельницкого в конце произведения против представителя польской шляхты некоторыми исследователями интерпретируется как борьба Малороссии за право исповедовать православие. Конечно, напрямую Ф. Глинка это не указывает,

но, как мы писали выше, он был достаточно религиозен, к тому же свои взгляды активно продвигал в литературе и политической деятельности.

«Я не могу, – отвечал Филомар, – сдвинуть храм божий и перенести кости предков моих. Хижина теперь еще мне необходима, пусть повременит немного: я чувствую, что скоро переселюсь из нее в могилу". Но своенравный вельможа не вытерпел: он приказал преградить течение реки – и с злобною радостью смотрел, как разлитие вод поглощало долину и хижину. Рабы Чаплинского разрушили церковь» [12].

Приказ повернуть течение реки и разрушить храм явно расценивается Ф. Глинкой как осквернение символов веры, а Филомар – отец Хмельницкого – мученик за веру, оставшийся в месте, которое вот-вот затопит. Он понимает, что не имеет сил уйти, но также у него нет права оставить могилы своих предков и важный религиозный символ в его жизни – церковь.

Исторически Малороссия в тот период находилась под властью поляков, религиозные конфликты и угнетения происходили часто. Хмельницкий боролся с интервентами в составе России. Ф. Глинка в своей повести приводит неточный образ украинского гетмана. На самом деле он прожил долгую жизнь и умер не на поле боя, а от инсульта. В повести Хмельницкий умирает от рук Чаплинского, что относительно достоверно – после смерти Богдана Хмельницкого поляки приказали выкопать его кости и осквернить их.

Но Ф. Глинка не стремится к исторической точности, его целью является создание персонажа, который достаточно религиозен и героичен. Герой Ф. Глинки думает о народе и собственной славе, которая поможет его Отечеству.

Символична и смерть Хмельницкого в повести. Он пришел к Чаплинскому мстить за отца, но дочь поляка убедила его сжалиться и подумать о цене человеческой жизни, чего не сделал Чаплинский в ответ. Герой умирает, проявив милосердие к убийце отца, здесь прослеживается христианский мотив всепрощения.

«Хмельницкий блеснул мечом... как вдруг жалобный крик остановил его. Девушка, прелестная как ангел, устремляется из-за дерева, восклицая сквозь слезы: – Пощади, пощади родителя моего! – Прелести ее были неописанны, мщение покорилося красоте, и меч выпал из рук Хмельницкого. О! Сколь могущественно воззрение красоты! ... Но малодушный соперник коварно пользуется минутой, он хватает лежащий меч и предается подлому бегству, громко сзывая рабов своих» [12].

Ф. Глинка создает образ, отвечающий всем его идеалам. Богдан Хмельницкий в повести далек от исторического прототипа, поэтому можем сказать, что Ф. Глинка его создает, лишь ориентируясь на реального украинского гетмана.

Хмельницкий патриот, что было близко и Ф. Глинке, именно стремление к справедливости и освобождению русского народа привело его в Союз Благоденствия, а после и в Союз Спасения. Также Хмельницкий христианин, проповедующий христианские ценности, что также важно для писателя. Он делает это не намеренно, христианство в нем будто было всегда, а ценности – непреложная истина.

Таким образом, повесть Ф. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий» представляет собой яркий пример исторической прозы первой половины XIX века, в которой переплетаются романтическая эстетика, политическая идеология и национально-патриотический пафос. Это делает произведение Глинки не только памятником своей эпохи, но и текстом, актуальным для современных дискуссий об интерпретации истории в литературе.

2.3. Лейтмотив героя в истории

Мотив героя в истории может вбирать в себя совершенно разные характеристики: от участника внутри события до абсолютного героя времени. Героя своего времени мы рассмотрели внутри лейтмотива гражданственности в повести Ф. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий». Теперь нам интересен герой как участник исторических событий, мы

рассмотрим его на примере повести Н. Бестужева «Русский в Париже 1814 года».

Н. Носов пишет о повести так: «В известном смысле эту повесть можно назвать итогом декабристского периода в русской литературе, произведением, в котором современник декабристской эпохи и активный деятель декабристского движения рассматривает первое двадцатипятилетие XIX века уже глазами исторического писателя... Одной из основных авторских задач было стремление создать живой исторический образ офицера-декабриста, будущего участника восстания на Сенатской площади. Таков главный герой повести Глинский... он исключительно образован и умен, решителен и благороден, в его блестящем облике неразличимы черты того декабристского идеализма и той декабристской политической наивности, которые были не менее ума, благородства и образованности характерны для передового дворянского поколения александровской эпохи» [37].

Для Н. Бестужева несомненно важно создать персонажа, который отвечал бы декабристским идеалам, но все же больше ему важно сохранить историчность, что, по отметкам исследователей, у него получилось отлично.

Повесть создавалась Н. Бестужевым в Сибири во время ссылки и осталась не до конца доработанной им. Исследователи считают, что датировать написание этого произведения следует 1831—1840 годами, публикация же произошла в 1860-м, уже после смерти автора.

Основой для сюжета послужил момент вступления русских в Париж после Отечественной войны. Главный герой – офицер Глинский.

Е. Дзюба в статье «Исторический персонаж как реализация национальной модели образа-персонажа в русской литературе первой трети XIX века» рассматривает вопрос о национальной идентичности. Статья захватывает также проблему обращения писателей к историческим темам.

Автор статьи пишет об обострившемся вопросе «Кто я/мы?» не только в литературной среде, но и в обществе. Это связано в первую очередь с

политическими изменениями в мире в тот период (война с Наполеоном, война на Кавказе).

«В отечественном литературном процессе первой трети XIX века один из ключевых вопросов связан с изображением национального характера, при этом понятия «народность» и «национальность» на данном историко-литературном отрезке осмысливаются как идентичные. Формирование романтической эстетики, внешние и внутренние обстоятельства российской истории ... придают поэтике прозы этого периода специфические черты. На первый план, как часто бывает в переломные периоды истории, выходят вопросы самоидентификации: «Кто я?»... Неслучайно в русской литературе появляется множество сочинений, в центре внимания которых оказываются национальный герой, конфликт «своего» и «чужого», осмысление ценностных ориентаций общества» [16].

В статье указывается и принцип самоидентификации: «...самоидентификация всегда осуществляется через отношение к другому, через его "опознание" Один из первых шагов к уточнению этого отношения — описание себя и "иного"» [16]. Так мы понимаем, что в большинстве произведений на историческую тематику мы будем наблюдать не только реализацию авторской идеи, но и попытки осознать себя как национальную единицу через взаимодействие с представителями других.

Как же Н. Бестужев реализует принцип самоидентификации внутри своей повести? Сам Николай на войне не был, поэтому основой для произведения послужили устные рассказы, о чем он заявляет в начале: «В предлагаемом здесь рассказе все слова и все действия исторических лиц исторически верны, и все анекдоты, о них помещенные, справедливы. Самое происшествие, давшее повод к рассказу, истинно. Повествователь только связал частные случаи и дал возможное единство» [2].

Н. Жилина в работе «Победители и побежденные в повести Н. А. Бестужева «Русский в Париже 1814 года» часто указывает на эпизоды разговора солдат. «В повести Бестужева солдаты в своих разговорах

избегают именовать Наполеона, говоря о нем «Сам». Акцентируя внимание читателя на этой особенности, автор дает в сноске специальное пояснение: «Сам в эту войну означало у солдат Наполеона; они всегда угадывали его присутствие в сражении и если у наших шло дело худо, они всегда говорили: "верно, Сам здесь "... Таким образом, в сюжете повести находят свое отражение две различных точки зрения на французского императора, укоренившиеся к тому времени в русском сознании» [18].

Н. Бестужев описывает русских солдат в их бытовом существовании, замечает особенности речи, песни и анекдоты. Это понимание автором солдата как русского человека. Также можем отметить, что именно так автором обозначается мотив героя в истории: рядовые солдаты ему интересны так же, как и личность Александра I. Они все участники событий, поэтому описываются автором.

Характерно, что Н. Бестужев передает состояние персонажа, даже если он является частью общей зарисовки, как в первой главе повести. «Восхищенный Александр обнял короля Прусского и, поздравив его с победою, сказал: «Бог рассудил нас с Наполеоном, теперь пусть потомство судит каждого из нас!» [2] Русский император наделяется эмоцией восхищения, и читателю сразу представляется не только факт поздравления, но еще и настроение персонажа.

Так, солдаты тоже наделены разными эмоциями, от радости до печали потери: «Кирасир остановился, начал ласкать бедное животное; слезы лились по загорелым щекам и порыжелым усам; когда он снимал седло и мундштук, он вытащил свой огромный палаш: «Когда так — нечего делать, — сказал он, — по крайней мере ты не будешь мучиться... прощай, Налетушко!..» — с этими словами он отвернулся, вонзил неверною рукою палаш под левую лопатку лошади — и пошел всхлипывая и закрыл руками глаза. Офицеры безмолвно глядели ему вслед... но вскоре другие сцены и новые толпы развлекли их внимание» [2].

Н. Бестужев отлично передал картину событий. Ее главная особенность – калейдоскопичность. Рядом со счастливыми находятся печальные, жизнь и смерть идет рука об руку.

Можем отметить, что в повести Ф. Глинки рядовых и «обычных» образов мы почти не видим. Описываются героичные мужи, защищающие Родину и народ от притеснения. Так, хоть мотивы и схожи (исторический герой и герой внутри истории), отмечаем, что произведения сильно отличаются по пафосу и идейному наполнению.

Император Александр воспринимается как милосердный правитель, что было характерно для того времени. О величии русского императора говорила вся Европа, но вместе с тем он был великодушен. Так, Н. Бестужев описывает, как Александр I публично заявил, что трофеи не будут взяты и приставил охрану к музею. Н. Бестужев сравнивает поведение французов и русских в столицах, и в этом сравнении явно выигрывают русские. «Объявите моей гвардии и гренадерам, — сказал он, проходя мимо Баркляя, — что завтра мы вступаем парадом в Париж. Не забудьте подтвердить войскам, что разница между нами и французами, входившими в Москву, та, что мы вносим мир, а не войну» [2], говорит император Александр, указывая на разграбление Москвы в 1812.

С первых страниц повести весь русский народ рисуется автором милосердным. Так понимаются герои истории – осознающие, в какой ситуации они находятся, переживающие за товарищей, а самое главное – они разные, Н. Бестужев изображает русскую армию не как общую массу людей, а как русских, которым присуще национальные черты.

Так, Н. Бестужев часто описывает разговоры солдат, которые шутят друг над другом или придумывают необычные способы решения проблемы. У одного солдата порыжел мундир, а на следующий день смотр, необходимо что-то делать, и он обращается к товарищам. Ему отвечают: «А чтоб он высох и не сселся, — перехватил барабанщик, перетягивавший струны своего громогласного инструмента, — надо выкрасить его на тебе. Мы всегда так

моем и белым шкуру на барабане» [2], под общий хохот. Тем не менее, мундир выкрашивают. Так Н. Бестужев обыгрывает национальный стереотип о русских как о выдумщиках и шутниках.

Как отмечено исследователями, Н. Бестужев часто в письмах и в прозе употребляет фразеологизмы. Он, как и брат Александр, истинный исследователь: часто в его письмах встречаются и русские, и французские поговорки. С их помощью он познает мир и людей вокруг. «Поговорку *La soupe sent toujours le hareng* (сельдяной бочки никогда не вымоешь) Бестужев напоминает сестрам, которые собираются ехать за братьями в Сибирь. Они собираются брать с собой воспитанных в доме крепостных, однако, по словам старшего брата, эти крепостные в доме «мало знали черной работы, а здесь это нужнее» [27].

В повести «Русский в Париже 1814 года» тоже можно встретить фразеологические обороты, однако они видоизменяются. Их употребление автором связано с описанием солдат. Так, выражение «считать звезды» под пером Н. Бестужева приобретает иное значение. «Интересно, что в своем самом крупном литературном произведении «Русский в Париже», посвященном русским офицерам, героям войны 1812 года, он употребляет фразеологизм «считать звезды» не в привычном нам значении (фантазировать, мечтать и т.д.), а в значении «погибнуть на поле боя, лежать на поле боя навзничь, лицом к небу. В этом эпизоде один из русских солдат пытался вытащить ружье у убитого француза, и в итоге тело покатило по обрыву. На что товарищ сказал солдату: «Эх, брат, не ругайся над покойником... может, и тебе придется когда-нибудь считать звезды» [27].

Так, Н. Бестужев рассматривает народное творчество под другим углом. Смысл некоторых выражений меняется, но все еще остается точным относительно ситуации. Для него важно посмотреть, как участники истории проживают эти моменты, что говорят и о чем думают. Солдаты как часть истории интересуют Н. Бестужева во всех областях их жизни.

Н. Жилина указывает на характер героя и его формирование внутри романтической среды. Герой классицизма и постклассицизма изображает не конкретную личность, а образ большинства, с помощью этого приема автор выполняет дидактическую роль в своем произведении. Романтики же часто ставят героя как отдельного человека от общества, он находится в конфликте. Н. Бестужев действует иначе: его герой благородный офицер, который действует на благо общества. «Выдвигая на первый план цельного, нравственно чистого и благородного героя, который, по мысли автора, олицетворяет в себе важнейшие черты национального характера, Николай Бестужев отходит от устойчивого для романтизма конфликта героя и среды, сосредоточив все внимание на противопоставлении истинных и ложных ценностей» [18].

Интересна и история названия повести. По воспоминаниям брата Николая Бестужева, изначальным названием было «Русские в Париже», «Русский в Париже 1814 года» - работа редакторов, выпустивших повесть. Изначальное название показывает, как автору была важна национальная черта повествования, насколько важно ему было рассмотреть отношения русских и французов после войны. «...в авторском варианте заглавия еще сильнее звучала важнейшая для Н. Бестужева мысль о главных чертах русского национального характера, особенно ярко проявившихся в пору пребывания наших соотечественников в завоеванном ими Париже и по достоинству оцененных недавними военными противниками» [18].

Ю. Лотман рассматривает особенности романной прозы в произведениях начала XIX века. Нам интересны некоторые его замечания, которые применимы к рассматриваемой нами повести.

Так, Ю. Лотман утверждает, что деталь становится частью сюжетной композиции. «В романе XIX в. деталь сюжетна. Если в фольклорных жанрах схема сюжета исходно дана и каждый клишированный элемент этой схемы определяет выбор последующего, то в романе возмущающее действие на

сюжет внесюжетных элементов создает лавинообразный рост сюжетных возможностей» [30].

Носителями же сюжетного развития «...становятся персонажи (включая в эту категорию образы людей, вещей, социокультурные символы и знаки и т. п.), обладающие способностью к активному поведению, совершению поступков» [30]. Глинский в повести активен, но иначе, чем обычный персонаж романтической прозы, как мы уже отмечали выше. Он бескорыстно совершает благородные поступки (он оплатил лечение раненому французу, с неохотой согласился на дуэль и искренне переживал за жизнь соперника). Особенно важны его поступки относительно графини де Серваль. Все эти действия развивают сюжет. Ориентируясь на выражение Ю. Лотмана, можем сказать, что Глинский – персонаж, способный к активному действию.

Важным аспектом миропонимания романтиков было осознание фигуры Наполеона. Ю. Лотман пишет по этому поводу: «От «внутренних турок» Добролюбова до рассуждений Сухова-Кобылина: «Было на землю нашу три нашествия: набегали Татары, находил Француз, а теперь чиновники облегли», — проходит единая нить отождествления внутренней гибели с внешним вторжением. Последнее же, по свежей памяти Отечественной войны 1812 г., прежде всего ассоциировалось с Наполеоном. ... погибельные черты антихриста и воспоминание о нашествии, связывались с Наполеоном. ... Из романтических наслоений усваивалось подчеркивание в этом лице демонического эгоизма. Однако дальше начинались существенные нюансы. ... рядом существовала и другая тенденция, в свете которой Наполеон связывался с рационализмом и расчетом» [30].

Мы уже отмечали, что для Н. Бестужева важно сопоставить две культуры и сравнить их. Наполеон в первую очередь сравнивается с императором Александром, и читатель видит существенную разницу: Александр отказывается от трофеев, хотя в военном деле захват ценностей

был частью ритуала победителя. Однако можно сравнить с Наполеоном и Глинского.

Он бескорыстен и благороден, он совершает благие деяния не для похвалы или образа великодушного офицера. Он старается делать все в тайне и очень стесняется, когда все раскрывается. Наполеон, напротив, имеет славу и признание. Он делает все с идеей иметь всемирное признание. Н. Бестужев не осуждает Наполеона и не превозносит Глинского, отдавая решение в руки читателю. Но таким образом мы видим, как реализуется мотив героя в истории: кто-то замечен, кто-то в тени, но тем не менее история творится в результате действий всех персонажей бестужевского повествования.

Итак, мотив героя в истории в повести «Русский в Париже 1814 года» реализуется через сопоставление представителей разных культур, точное описание быта и рефлексия о войне с Наполеоном. Герой в истории для Н. Бестужева – действующее лицо исторических событий (Глинский) и образ солдат со своей болью, радостью и взглядом на события.

2.4. Лейтмотив дороги

Мотив дороги в русской литературе занимает особое место, некоторые исследователи называют его «экзистенциальным» мотивом. Дорога очень близка русской душе, она огромна и протяженна, но также обычно неустроена и в процессе путешествия могут случаться разные каверзы. В исследовании С. Шакирова говорится: «Одним из наиболее "экзистенциальных" мотивов русской поэзии является мотив дороги. Пространственная протяженность российских дорог, неустроенность "дорожного" бытия, русская "любовь к быстрой езде", естественно возникающие в "дорожной" ситуации искренность и открытость, присущие русской ментальности, — все эти факторы обеспечили долгую "жизнь" мотива дороги в русской лирике начала XIX — второй половины XX веков» [51].

Также он утверждает, что многим национальностям присущ свой «экзистенциальный» мотив: британцам – мотив моря, немцам – мотив железной дороги и так далее. В русской литературе мотив дороги встречается особенно часто в эпоху романтизма. Рефлексируя о дороге, авторы также затрагивают устройство русской души или пейзаж бескрайних просторов России. Так, мотив дороги подразумевает нечто большее, чем просто дорога или сам процесс движения.

«Соединяя предметное представление с духовной устремленностью, мотив становится элементом художественной идеи произведения. Важно отметить, что изменение предметного представления мотива не влечет за собой изменение состава опредмечиваемых им смыслов. Это свойство, отмечаемое в большинстве определений мотива, является, на наш взгляд, базовой предпосылкой для образования его парадигмы» [51].

Мы рассмотрим лейтмотив дороги в очерке А. Бестужева-Марлинского «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы». Этот очерк определен исследователями в цикл рассказов о Кавказе, куда после восстания был сослан на службу А. Бестужев-Марлинский.

Ф. Канунова в работе «Эволюция романтизма Бестужева» рассматривает на примере кавказских повестей как меняется мировосприятие А. Бестужева. Она отмечает, что А. Бестужев старался вобрать весь колорит кавказского народа и понять его, что хорошо видно по его произведениям. Рассказчик принимает роль исследователя, его роль внутри произведения растет. «Кавказские повести Бестужева, и в том числе «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», интересны тем, что их автор-рассказчик лицо более сложное и многогранное, чем в ранних произведениях. Это писатель-исследователь, которого интересует все, начиная от мелких деталей быта горцев и кончая философскими проблемами истории народа. Так, рассказывая о жизни горцев, автор то и дело стремится к историко-философскому осмыслению материала, который излагает» [21].

Обратимся к очерку «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы». Автор-рассказчик часто делает сноски, уточняя тот или иной факт, знакомя читателя с культурой народа, в которой он сам находится. В небольшой очерк включено 9 примечаний, раскрывающих колорит местности и культуры.

«И вам, как ветер неуловимые глуходары...» И далее в примечании: «Глуходарами называют в Лезгии всех бездомных удальцов, живущих на счет ближнего для славы или необходимости, то есть всех беглых от кровомщения, от русских, из охоты понаездничать. Это все равно что за Терекон и Кубанью абреки, и напрасно думают иные, указывая на их многочисленность в Белокани, будто глуходары особый народ, когда они не что иное, как инсургенты, если действуют открыто, и бандиты, когда разбойничают небольшими шайками» [3].

Видим, как А. Марлинский не только дает справку о том, кто такие глуходары, но и пытается осознать их стиль жизни. Последнее предложение вообще можно расценить как авторскую оценку – «они не что иное, как». У автора-рассказчика складывается особое мнение, которое он высказывает, что делает его не просто рассказчиком, а почти участником описываемых событий.

Сам А. Бестужев говорил о своих очерках, что он не просто изучает, а пытается понять. Он ориентировался на прозу В. Скотта, высоко оценивая драматизм его прозы, к которой стремился сам. «Дайте же нам менее порядка, но более живости; менее учености, но более занимательности... облеките все в драматические формы» [4].

«Драматическая форма» изложения — главное, что очень высоко ценил писатель в В. Скотте и что он пытался реализовать в своих повестях. Драматизм любого произведения представляет собою художественное выражение конфликтов, лежащих в его основе. ... Драматизированная романтическая повесть была во многом отлична от повести сентиментальной, в которой отсутствовали острые конфликты и наблюдалась предельная

сосредоточенность действия, суживающая изобразительные возможности произведения. Романтическая повесть отличалась глубоко продуманным драматическим единством, которое меняло самый стиль изложения, определяло своеобразие композиции, трансформировало природу и функцию диалога» [21].

А. Марлинский глубоко сопереживает кавказскому народу, осознавая их героическое прошлое и, по его словам, горькое настоящее: «Кстати о писарях: от многих встреч с донцами, не исключая последней, в меня вселяется горькое убеждение, что чернильная ржавчина грызет булат, когда-то страшный туркам и французам. Легче достигая до эполет пером, нежели пиком, донцы привыкают теперь хвалиться более крючкотворством, чем удалством» [3].

Драматизм ощущает автор-рассказчик, читатель – сквозь призму авторской рефлексии – но не сам народ. Сразу после этой фразы следует фраза донца, который радостно говорит о своем умении хорошо и красиво писать, что его только радует, и в его словах не проступает ни капли сожаления. Конечно, сам А. Бестужев понимал драматизм и как текст, наполненный жизнью, не сухое описание событий, о чем мы говорили выше, приводя цитату из критической статьи А. Марлинского «О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем». В ней он говорит о драматизме как принципе удержания читательского внимания, а также требует от авторов большей динамичности сюжета. Он призывает к драматизации литературы, к замене сухого морализаторства динамикой, эмоциями и зрелищностью, что отражало его эстетические принципы романтизма.

Так, драматизм в понимании А. Бестужева в рассматриваемом нами очерке работает так: автором описывается факт действительности и анализируется им эмоционально, придавая факту более жизненные очертания. Этот прием хорош в произведениях малой формы, когда автор не может в полной мере описать персонажа и его характер, но строить

повествование за счет «сухого» описания местности и обычаев не представляется возможным.

Как мы указывали выше, хоротоп дороги строится на фольклорных традициях, этот факт указывается в диссертации И. Меркуловой: «Хоротоп дороги в творчестве романтиков, на наш взгляд, прочно опирается на фольклорные традиции. Потому дорога главного героя — это жизненный путь или этапы его жизненного пути (выходит из дома на дорогу и возвращается на родину после испытаний). Хоротоп дороги главного героя в русской прозе романтизма подчинен следующей схеме: а) отъезд героя из дома, либо герой уже в дороге, б) препятствие в пути, в) неожиданная встреча, знакомство, г) испытание, выбор дальнейшей дороги, д) счастливое возвращение домой, духовное перерождение» [35].

Рассмотрим эту схему на примере очерка «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы». Герой А. Марлинского уже в дороге: «Казалось, холмы несли меня вперед своей зеленою зыбью» [3]. И герой, и рассказчик в процессе путешествия познают окружающую среду и культуру. Часто в пейзажных зарисовках сменяющегося ландшафта появляются воспоминания о местном народе, анализ их быта и культуры. Для А. Марлинского сам путь перерастает во что-то большее — это среда для познания и обдумывания мира, в котором пребывает герой. «... на меня канул час самозабвения, в который наслаждаешься созерцанием природы сквозь дрему и покоем сна без мечтаний. ... Можно ли измерить неизмеримость взмахом маятника или погоном сажени?» [3].

Препятствием является одновременно и сложный горный ландшафт, и эхо войны, постоянно тревожащее героя. «Я очнулся! Паром тихо всходил на течение бечевою. Лезгины робко сторонились от всплесков... Мы свершили омовенье на Алазани, а намаз на Куре - пели предки ваши, любуясь черноокими пленницами, похищенными из сердца Грузии. Теперь не то - и слава богу! Теперь вы, трепеща русского штыка, стережете ваши заветные ущелия, свои не раз русским пламенем сожженные деревни...» [3].

Герой А. Марлинского – офицер, поэтому война для него, конечно, ближе мирного времени. Однако он все же осознает ужасы и разрушения, которые она несет, поэтому, выбираясь из таких воспоминаний, наслаждается тишиной и спокойной дорогой.

Фольклорный символ дороги здесь переосмысливается. Она не является источником испытаний и потрясений, но тем не менее продолжает играть главную роль: с помощью пути герой рассуждает о своей жизни, и его мысли становятся испытанием. «Мечта, мечта, дитя воспоминания и предчувствия, куда ты умчала меня!» [3] Мечты и мысли уносят далеко, но все равно герою приходится возвращаться в реальность.

Неожиданной встречей можно назвать эпизод прибытия героя в пункт назначения. Задумавшись, он ведет лошадь через крышу землянки, чем вызывает испуг окружающих, но все же они принимают его радушно. «Меня встретила какая-то веселая фигура в офицерской шинели, наброшенной сверх необходимостей, еще не удостоенных называться одеждою. — Сюда-с! Милости просим, сюда...» [3] Здесь же видим и образ некого испытания: герою не нравится ни место ночлега, ни характеры людей. Усатый урядник пьян, а писари постепенно превращаются в бюрократов, которые променяли штыки на красивые формулировки служебных писем.

Мы понимаем, что герой А. Марлинского романтик, ему не по натуре сидеть целыми днями за бумагами или коротать вечера алкоголем. Он грезит о подвигах и прекрасной даме, но находится в окружении людей, которые ему не нравятся. Испытание для романтика – жить такую жизнь. Герой решает для себя, что так не будет, он грезит себя вечно молодым. Его «решение» четко прослеживается в последней фразе очерка: «— Коня, коня! Полцарства за коня! — И борзый конь взвился подо мною» [3].

Счастливого возвращения мы не видим, но можем отметить духовное перерождение героя. Он, рассуждая о судьбе горцев, начинает им сочувствовать. «Дайте Кавказу мир и не ищите земного рая на Евфрате» [3].

Мы основываемся на выводах И. Меркуловой, проведя анализ по данной ею схеме, убеждаемся в том, что мотив дороги имеет здесь фольклорный характер. Таким образом, дорога в ее фольклорном понимании становится инструментом, с помощью которого герой познает себя и мир, делает выводы и принимает решения.

В кавказских рассказах важную роль играет пейзаж и его описание А. Марлинским. Часто он использует прием олицетворения, чтобы усилить описываемый образ. «И вот в сотне шагов влево, обогнув острым локтем скалу, — Алазан, как стыдливая, но вместе пылкая невеста, кидалась в объятия крутых берегов и в них исчезала» [3].

Об этом говорил С. Дударев в книге «Вклад декабристов в формирование толерантного отношения российского общества к народам Северного Кавказа». «Нередко для большей передачи полноты образов, вызванных у него природой Кавказа, Марлинский сравнивал её с человеком... Примечательно, что Марлинский, описывая природу, порой использовал образность, основанную на сравнении увиденного с теми или иными направлениями в литературе и искусстве: «В волканических произведениях вкраплены (*inerustes*) мелкие блестящие кристаллы, яркие слои порфира, — это классицизм; но толща, которою они проникнуты, облиты, превращены, — романтизм» [17]. Так, А. Марлинский отдает важную роль пейзажу, в котором находится его герой.

Важным аспектом изучения фольклорных мотивов в нашей работе является рефлексия А. Марлинского над фольклором местного народа. «Кони и всадники Лезгистана, отчего так изменились вы не менее, нежели в полвека? В старину вы не спрашивали брода, не ожидали плотов, чтобы вторгнуться буйным набегом в Грузию... "Мы свершили омовение на Алазани, а намаз на Куре", — пели предки ваши, любуясь черноокими пленницами, похищенными из сердца Грузии» [3]. И далее следует комментарий автора: «Этот стих, необыкновенно верно изображающий скорость набега, взят из аварской песни. Я слышал ее на буйной вечеринке у

Аслана, хана Кази-кумыкского, на границе Аварии – и со временем передам ее моим читателям вполне» [3].

Этот аспект творчества А. Марлинского анализирует А. Гашарова в своей статье. Она говорит о писателе не только как о знатоке фольклора, но как о ценителе фольклорных традиций. «Этот отрывок является и ярким свидетельством того, что фольклорное произведение воспринимается Марлинским как отражение психологии народа, его образа жизни, его истории на каком-то определенном этапе развития» [9].

А. Марлинского интересует фольклор в связи с жизнью, ему интересно, как он встраивается в быт народа. Его интересуют исполнители песен, то, как они воспринимают свой фольклор. Для А. Марлинского это все является бытовой картиной, где все детали связаны между собой и их невозможно разделить.

Выводы:

«Среди декабристов — талантливейшие литераторы своего времени:

В. Кюхельбекер, А. Бестужев (Марлинский), К. Рылеев, А. Одоевский, Н. Бестужев, Ф. Глинка.

В атмосфере декабристских идей и дружеских связей сформировались и окрепли великие дарования А. Пушкина, А. Грибоедова, позже — М. Лермонтова. Осталась потаенная декабристская публицистика.

Осталась их эстетика, столь энергично выраженная в поэтических декларациях Рылеева, в статьях Кюхельбекера и А. Бестужева. А десятилетия спустя после восстания декабристы создали талантливые памятники мемуарной литературы. Их влияние на развитие русской общественной мысли, на литературу, в сущности, не прерывалось. У них нашлись наследники» [48].

Об этом рассуждает А. Урбан, обзоревав антологию о декабристах, составленную В. Орловым. Статья написана в 1975 году, в ней присутствует осязаемое влияние большевистской идеологии. Автор рассматривает

прозаическое и поэтическое наследие декабристов как основу гражданской литературы, которая ведет читателя к рациональному взгляду на государство и справедливость. Проведя работу с несколькими произведениями декабристской прозы, мы понимаем, что их литературный талант не заканчивается на гражданских мотивах. Тем не менее, в статье А. Урбана затрагивается и тема влияния декабристской литературы на дальнейший процесс, и новизна самих произведений.

Автор затрагивает тему спора о жанрах, называя его актуальным в декабристскую эпоху.

«Строгая жанровая иерархия — признак нормативного мышления классицизма. Новые литературные направления — романтизм и сентиментализм — нарушали строгую иерархию. Но жанровая определенность и обособленность продолжали существовать. На передний план выдвигался то один, то другой жанр... Разрушение жанровых канонов исподволь готовило новую реалистическую литературу. Декабристы внешне как будто придерживались установившихся жанровых рамок. Иные из них казались даже «архаистами», как Кюхельбекер. ... И, в сущности, спор о направлениях и жанрах отходил на второй план. ... Декабристская литература, какую бы форму она ни принимала, торопила перемены, была обращена к будущему. ... Декабристы умели смотреть вперед. Они укрепили традиции идейной литературы» [48].

Так, декабристы хоть и спорили о жанрах, но далеко не все испытывали веяния романтизма на себе. Н. Бестужев изображает героя не как романтика, а как благородного офицера. А. Марлинский в очерках обращается к фольклорным мотивам, что может указать нам на романтические веяния, но все же в авторе-рассказчике и самом герое прослеживаются идеалы исследователя.

Кто-то из декабристов, конечно, отдался романтизму полностью, как, например, К. Рылеев. В его поэзии часто можно встретить резко негативную или положительную оценку события или персонажа, средней или

нейтральной почти нет. Но, тем не менее, по справедливому замечанию А. Урбана, декабристы внесли весомый вклад в развитие литературы именно тем, что их произведения не были похожи друг на друга.

Мы провели работу с мотивами декабристской прозы. Главное место во всех рассматриваемых нами мотивах занимает сам герой, он тесно связан и с историей, и с дорогой, и с гражданственностью. Он является предметом авторской рефлексии. В то же время сам герой в процессе повествования приходит к выводам на основе произошедших с ним событий. Это заметно как в объемных произведениях, так и в совсем небольших.

Лейтмотивы декабристской прозы, выделенные нами, основные для изучения творчества декабристов в целом: прозы и лирики. С одной стороны, они отвечают гражданско-политическим взглядам декабристов. С другой, они отражают романтизм в творчестве декабристов, который у каждого писателя реализуется по-разному.

В творчестве декабристов также важна тема литературы как дидактического элемента, о чем говорил С. Трубецкой в «Воспоминаниях». Ф. Глинка показывает Хмельницкого как гражданина и христианина. Этот образ близок автору, поэтому Хмельницкий преподносится автором как идеал, к которому должен стремиться человек.

В кавказских очерках А. Марлинского герой не только наблюдателен, но и с уважением относится к чужим традициям и фольклору. Он выступает в роли исследователя. Автор показывает, что чужеземцы не враги только по национальному признаку, их жизнь интересна и удивительная для русского человека. Также герой А. Марлинского свободен, это чувство у него в душе. Таким образом, автор показывает, как важно уважение к чужим традициям и внутренняя свобода.

В повести Н. Бестужева показан герой, встроенный в исторический процесс. Он милосерден и умен, идеал для автора. Также показаны и другие не менее интересные персонажи, такие как Наполеон, Александр 1 и солдаты русской армии. Каждый герой прописан у автора подробно, так как Н.

Бестужев хорошо подмечает детали, характеризующие человека в целом. Н. Бестужев рассуждает о нравственности сквозь призму исторических событий.

Так, литература декабристов стала основой для развития других известных авторов. Л. Толстой обращался к исторической теме в «Войне и мире». Там же рассматривал, как сформировались декабристы относительно Отечественной войны 1812 года.

М. Лермонтов перенял романтические идеалы свободы, конфликта с обществом и эстетики Кавказа. Н. Некрасов в «Кому на Руси жить хорошо» обратился к вопросам социальной несправедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование лейтмотивов в прозе писателей-декабристов на примере произведений «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы» А. Бестужева-Марлинского, «Русский в Париже 1814 года» Н. Бестужева и «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» Ф. Глинки позволило выявить ключевые идейно-художественные закономерности творчества декабристов.

Нами выявлены и рассмотрены основные лейтмотивы: гражданственность, герой в истории и дорога. Также проведено исследование об определении роли мотива и лейтмотива в литературе. Так, лейтмотив, выделенный в каждом конкретном произведении, может трансформироваться в мотив. Некоторые, такие как мотив дороги, часто повторяются в литературе и хорошо изучены. Однако есть и те, которые почти не рассматриваются, например, мотив героя в истории.

Мы также провели анализ научных работ по теме. Исследование декабристского творчества, как правило, строится вокруг произведений самых популярных писателей: А. Бестужева-Марлинского, К. Рылеева и других. Но можем отметить тенденцию в современном литературоведении на анализ и исследование малоизученных авторов, таких как Ф. Глинка.

Важным аспектом нашей работы является изучение исторического контекста. Декабристы были неотъемлемо связаны с политическими событиями в стране, что, несомненно, повлияло на их мировоззрение и творчество.

Также важен момент обращения декабристов к историческим темам в своих произведениях, что мы тоже рассмотрели. Нами поставлен вопрос об исторической точности в произведении, описывающем реальные исторические события. Точного ответа мы не дали, так как мнения исследователей расходятся, но эта тема может быть основой для будущих исследований в сфере компаративистики, сочетающих изучение истории, литературы и их влияния друг на друга.

Дальнейшее изучение рассмотренных нами лейтмотивов могло бы включить сопоставительный анализ с поэзией декабристов, а также исследование влияния их прозы на последующие поколения писателей.

Таким образом, в нашей работе рассмотрены вопросы определения мотива и лейтмотива, известные и малоизученные произведения писателей-декабристов, исследовательская база по изучению данной темы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. - 525 с.
2. Бестужев Н. А. Русский в Париже 1814 года // Русская историческая повесть первой половины XIX века. - М.: Правда, 1986. - С. 531-717.
3. Бестужев-Марлинский А. А. Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы // URL: <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/proza/doroga-ot-stancii-almaly-do-posta-mugansy.htm> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Бестужев-Марлинский А. А. Опыт о происхождении зла // Сын Отечества. - 1819. - №54. - С. 68-80.
5. Васильева С. А. "Гармония мира" в творчестве Ф. Н. Глинки // Глинка Ф. Н. Религиозная проза. Сны и видения. - Тверь: Издательство М. Батасовой, 2011. - С. 5-39.
6. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. - СПб.: Университетская книга, 2011. - 687 с.
7. Галанова В. А. Фёдор Глинка и его современники: влияние на русскую литературу // Верхневолжский филологический вестник. - 2017. - №4. - С. 63-67.
8. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. - М.: Наука, 1993. - 304 с.
9. Гашарова А. Р. Дагестанская тематика в творчестве А. И. Полежаева // Балтийский гуманитарный журнал. - 2021. - №35. - С. 247-250.
10. Герцен А. И. Полное собрание сочинений в 30 т.. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1954-1966 – Т. 2: Под ред. А. Е. Эльсберг. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.— 516 с.
11. Гинзбург Л. Я. О лирике. - 2-е изд. - Ленинград: Советский писатель, 1974. - 409 с.

12. Глинка Ф. Н. Зиновий Богдан Хмельницкий, или освобожденная Малороссия // Русская историческая повесть первой половины XIX века. - М.: Правда, 1986. - С. 171-221.
13. Глинка Ф. Н. Избранные произведения. - 2-е изд. - Ленинград: Советский писатель, 1975. - 512 с.
14. Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы / отв. ред. О.И. Киянская; сост.: О. И. Киянская, М.П. Одесский, Д.М. Фельдман. М.: Изд-во Рос, гос. гуманит. ун-та, 2008.
15. Декабристы: антология в двух томах. / Под ред. Орлова В. И. - Ленинград: Художественная литература, 1975.
16. Дзюба Е. М. Исторический персонаж как реализация национальной модели образа-персонажа в русской литературе первой трети XIX века // Научный диалог. - 2018. - №8. - С. 108-121.
17. Дударев С. Л., Дударев Д. С. Вклад декабристов в формирование толерантного отношения российского общества к народам Северного Кавказа. - Армавир: Графа, 2012. - 124 с.
18. Жилина Н. Победители и побежденные в повести Н. А. Бестужева «Русский в Париже 1814 года» // Балтийский филологический курьер. - 2014. - С. 41-47.
19. Зверев В. П. Творчество Ф. Н. Глинки в контексте православной традиции русской литературы первой половины XIX в.: автореф. дис. д-р. фил. наук: 10.01.01. - 2002. - 610 с.
20. История всемирной литературы: В 8 т. / Под ред. Г. П. Бердникова – М.: Наука, 1983-1994.
21. Канунова Ф. З. А. А. Бестужев-Марлинский и его Кавказские повести Эволюция романтизма Бестужева // URL: <http://bestuzhev-marlinskiy.lit-info.ru/bestuzhev-marlinskiy/kritika/kanunova-kavkazskie-povesti/evolyuciya-romantizma-bestuzheva.htm> (дата обращения: 25.05.2025).

22. Карамзин Н. М. История государства российского: в 12 т.. - М.: Наука, 1989 – Т. 1: Под ред. А. Н. Сахарова. — М.: Наука, 1989.— 640 с.
23. Книгин И. А. Словарь литературоведческих терминов – Саратов: Лицей, 2006. – 272 с.
24. Коровин В. И. Заветные преданья // Русская историческая повесть первой половины XIX века. - М.: Советская Россия, 1989. - С. 5-18.
25. Котляревский Н. А. Декабристы. А. И. Одоевский. А. А. Бестужев-Марлинский. К. Ф. Рылеев. - М.: Юрайт, 2025. - 417 с.
26. Кравец С. Л. Мотив // Большая российская энциклопедия URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/2234622> (дата обращения: 20.05.2025).
27. Лаврова О. Н. Пословицы и поговорки в творчестве Николая Бестужева // Вестник новгородского государственного университета. - 2014. - №77. - С. 174-176.
28. Левкович Я. А. Поэзия декабристов // Фундаментальная электронная библиотека URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl2/rl2-1502.htm> (дата обращения: 21.04.2025).
29. Левкович Я. Л. Судьба Марлинского // Звезда. - 1975. - №12. - С. 154-165.
30. Лотман М. Ю. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. - М.: Азбука, 2024. - 544 с.
31. Лотман М. Ю. Декабрист в повседневной жизни // URL: <https://dekabrist.mybb.ru/viewtopic.php?id=104&p=1> (дата обращения: 23.04.2025).
32. Манн Ю. В. Особенности русского романтизма // Фундаментальная электронная библиотека URL: <https://feb-web.ru/feb/ivl/vl6/vl6-3062.htm> (дата обращения: 23.05.2025).
33. Маслин Н. Н. О романтизме А. Марлинского // Вопросы литературы. - 1958. - №7. - С. 141-169.
34. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 2 т.. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – Т. 1: Под ред. Н. И.

- Канищевой. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 904 с.
35. Меркулова И. И. Хронотоп дороги в русской прозе 1830-1840-х годов: автореф. дис. канд. фил. наук: 10.01.01. - Самара, 2007. - 22 с.
36. Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. - Петроград: Былое, 1922. - 96 с.
37. Носов Н. Е. Русская историческая повесть первой половины XIX века // Русская историческая повесть первой половины XIX века. - М.: Правда, 1986. - С. 5-17.
38. Орлов А. С., Георгиев В. А., Полунов А. Ю., Терещенко Ю. Я. Основы курса истории России: Учебн. пособие. - М.: Простор, 2000. - 651 с.
39. Петровский Ю. А. Пушкин и декабристы // Звезда. - 1975. - №12. - С. 60-71.
40. Петрунина Н. Н. Проза декабристов (Романтическая повесть первой половины XIX века) // Фундаментальная электронная библиотека URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl2/rl2-1792.htm> (дата обращения: 11.05.2025).
41. Пушкин А. С. Стихотворения Александра Пушкина. - СПб.: Наука, 1997. - 640 с.
42. Радченко М. Н. Декабризм и декабристы: судьбы дефиниций в отечественной историографии // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekabrizm-i-dekabristy-sudby-definitiy-v-otchestvennoy-istoriografii/viewer> (дата обращения: 05.03.2025).
43. Рылеев К. Ф. Гражданин // Культура.РФ URL: <https://www.culture.ru/poems/6095/grazhdanin> (дата обращения: 05.04.2025).
44. Силантьев И. В. Поэтика мотива. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 296 с.

45. Степанов Н. Л. Бестужев-Марлинский // Фундаментальная электронная библиотека URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/il0/il6/il6-5632.htm?cmd=p> (дата обращения: 18.04.2025).
46. Трубецкой С. П. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. - Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1983. - 409 с.
47. Турдубекова Э. Т. Гражданские и свободолобивые мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вестник ОшГПУ имени А. Мырсабекова. - 2025. - №25. - С. 188-191.
48. Урбан А. Литература гражданского служения // Звезда. - 1975. - №12. - С. 213-215.
49. Ушаков Д. Н. Лейтмотив // Толковый словарь Ушакова онлайн URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=27185> (дата обращения: 18.03.2025).
50. Фризман Л. Г. Поэзия декабристов. - М.: Знание, 1974. - 64 с.
51. Шакиров С. М. Мотив дороги как парадигма русской лирики XIX - XX веков: автореф. дис. канд. фил. наук: 10.01.01. - Магнитогорск, 2001. - 197 с.
52. Эйдельман Н. Я. "Доброе дело делать..." (Страницы жизни Сергея Муравьева-Апостола) // Звезда. - 1975. - №12. - С. 18-60.
53. Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. - М.: Издательство академии наук СССР, 1951. - 737 с.